

ся с автором в том, что эти суффиксы образовались из самостоятельных слов (как и *-лун*, *-тор*, *-ин*). Следует отметить, что *лач* в значении 'голубика' в отдельных говорах верхневычегодского диалекта и в настоящее время еще употребляется иногда как самостоятельное слово. Указание автора о том, что именно многие названия ягод образуются с помощью уменьшительного суффикса, вполне применимо и по отношению к прибалтийско-финским языкам (ср. фин. *mansi-kka* 'земляника', *musti-kka* 'черника').

Составные названия травянистых растений и ягод включают в себя от двух до пяти компонентов, причем ими могут быть различные части речи — от имен существительных и прилагательных до имен числительных, причастий, послелогов и даже местоимений, например: *ас бобõнянь* 'клевер дикий' (*ас* 'свой' + *бобõнянь* 'клевер'). Чем больше компонентов в составном слове, тем меньше частотность данной производящей модели. Так, лишь одним примером иллюстрируется составное по образованию название, состоящее из пяти компонентов (*нюр выв гõггя рõз турун* 'подмаренник болотный' = 'болото' + 'поверхность' + 'пулочная' + 'подмаренник' + 'трава'). Наиболее часто составным компонентом является, видимо, слово *турун* 'трава'.

Приведенные в этой главе данные не

вызывают в целом возражений, однако и здесь неплохо было бы представить краткий статистический обзор частотности употребления отдельных морфологических типов названий, что облегчило бы в дальнейшем сравнение данных с примерами из других родственных языков и обеспечило бы большую достоверность выводам исследования.

Технически работа А. Н. Ракина выполнена вполне корректно и оставляет хорошее впечатление. При публикации ее, что рецензент считает весьма желательным, следует не только добавить упомянутые выше карты и таблицы, но и улучшить технически обозначение заглавий, а также ввести их в список использованной литературы.

В заключение следует отметить, что в солидной по объему работе А. Н. Ракина дается всестороннее и не вызывающее сомнений описание фитонимов коми языка. Автор прекрасно владеет материалом и исследовательской методикой; им высказано немало новых и интересных установок, которые следует учесть всем лексикологам пермских языков. Практическое значение этого исследования выходит за пределы лингвистики, так как в результате создания основ биологического словаря коми языка введенные в научный оборот данные могут быть использованы представителями других специальностей.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.1.09>

Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск 1977. 150 с.

Диалектология в финно-угорском языкознании по праву занимает одно из ведущих мест. Уже представители первых поколений лингвистов-финно-угроведов (Ф. И. Видеман, Т. П. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн) и этнографов-краеведов (Б. Г. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, И. Н. Смирнов и другие) оставили богатейший материал почти по всем удмуртским диалектам. В последнее время ведется более глубокое и интенсивное изучение целого ряда диалектов и говоров удмуртского языка в республике и за ее пределами.

Рецензируемый сборник, посвящен-

ный вопросам удмуртской диалектологии, имеет особенное значение, поскольку изыскания диалектологов необходимы при исследовании как истории удмуртского языка, так и этнической истории народа. В сборник включено десять статей. В них на разных (фонетическом, морфологическом и лексическом) уровнях рассматриваются диалекты и говоры удмуртского языка (кыркмасский, средневожосточный, канлинский), даются этимологии отдельных слов периферийных говоров, термины родства, нашедшие отражение в современных словарях, освещаются некоторые вопросы удмуртской ономастики, приво-

дится обзор работ по удмуртскому языкознанию за 1971—1975 гг. и прилагается удмуртская фонетическая транскрипция, составленная на основе русской графики.

С. К. Бушмакин в статье «Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка», характеризуя артикуляционную базу некоторых согласных на основе рентгенографического и кинографического исследований, отмечает их особенности в средневосточных говорах. Существенным отличием консонантизма средневосточных говоров от говоров, распространенных севернее, является ослабленное произношение согласного *l* середины и конца слова, доходящее до полного исчезновения звука. Согласный *l* во всех пермских языках имеет слабую артикуляцию. В ряде позиций, особенно в интервокальном положении, в средневосточных говорах, в том числе и селтинском, он выпадает, ср. *jaan* (< *jalan*) 'постоянно, все время', *taan*, *taaš* (< *talen*, *tales*) 'у этого, у него'. Всем средневосточным, как и другим промежуточным между северным и южным наречиями говорам, присуще сохранение древнепермских аффрикат \check{z} , \check{z} , $\check{č}$ в середине и конце слова: $\check{z}a\check{z}i$, лит. *жажы* 'полка', ср. коми *джадж*; *ku\check{z}it*, лит. *кузьым* 'подарок', ср. коми *козин*; $\check{č}o\check{č}$, лит. *чош* 'вместе', ср. коми *тшотш*.

Статью «Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I» В. К. Кельмаков посвятил описанию фонетических, морфологических и лексических особенностей удмуртских говоров, распространенных в бассейне р. Кырыкмас (левого притока р. Иж в Киясовском районе Удмуртской АССР). В системе вокализма В. К. Кельмаков отмечает те же семь гласных фонем, что характерны для всех южноудмуртских говоров, и реализацию фонемы *i* в различных населенных пунктах в трех основных акустико-артикуляторных вариантах (*ä*, *i* и *i*): *äž*, *iž*, *iž* 'овца', *kätän*, *kītīn*. *kītīn* 'где'. Наличие трех вариантов на сравнительно ограниченной территории Киясовского района, по-видимому, можно объяснить особенностями заселения указанной местности. Заселенными ранее

других считаются деревни, где проживают представители рода Салья: Старая Салья, Верхняя Малая Салья (*ä*). Деревня Карамас-Пельга (?) основана выходцами из Старой Сальи (род Салья) и Итешево (род Пельга) Малопургинского района. В последнем, по наблюдениям М. Г. Атаманова, функционирует *i*. Смешение *ä* и *i* дало *i* — неогубленную гласную верхне-среднего подъема средне-заднего ядра. Деревни Колошур и Дубровск основаны выходцами из деревни Можга Вавожского района, принадлежавшими к двум родовым группам — Можга и Мõнья. Жители ее сохранили в какой-то степени звуковой состав говора прежней родины, где функционирует *i*. В области консонантизма В. К. Кельмаков отмечает наличие фонемы *ŋ*, особенно в речи представителей старшего поколения. Необходимо заметить, что в прикильмезских говорах, как показывают наши наблюдения, эта фонема утратила свою фонематическую функцию.

Из морфологических особенностей кырыкмасских говоров наибольший интерес представляют склонение существительных лишь по 13 падежам и отсутствию форм соответственного (*-ja*) и направительного (*-lañ*) падежей, а также случай переноса суффикса многократности *-l(ä)* глаголов I спряжения на глаголы II спряжения: *veš kāržališkod* 'постоянно поешь, поешь многократно', прикильм. *kīržaljaškod* (сохранился в первоначальном виде), лит. *кырžалляськод*.

В статье «О некоторых особенностях канлинского говора» Р. Ш. Насибуллин отмечает наличие шести гласных фонем в канлинском говоре в результате изменения праудмуртских переднерядных гласных **ü* и **ö*. Междиалектное чередование (корреспондирование) гласных типа *ü* ~ *i* ~ *ä* ~ *u*, восходящих к праудм. **ü*, он обнаруживает примерно в 360 корневых словах. В канлинском говоре в результате утраты признака огубленности праудм. **ü* совпал с *i*, лишь в соседстве с мягкими согласными он иногда сохранил архаическую форму. Автор статьи выявляет около 250 слов с гласным *o*, который в других диалектах замещается *ö* или *e*, *é* или *ē*. До этого не был обнаружен такой диалект, в вокализме кото-

рого выступал бы *o* вместо *e*, хотя теоретически предполагалось его существование. (В. К. Кельмаков доказал, что корреспондирующиеся $\acute{o} \sim \acute{e} \sim \acute{e} \sim \acute{e} \sim \acute{o}$ являются рефлексами праудмуртского огубленного гласного **o* (В. К. Кельмаков, Судьба праудмуртского огубленного *o* в современных диалектах. — СФУ XI 1975, с. 259—270)). Выявление междиалектных корреспондирований гласных первого слога во всех диалектах удмуртского языка способствует дальнейшим теоретическим изысканиям в области этимологии пермских и финно-угорских языков, помогает решению отдельных практических вопросов, в частности уточнению правописания гласных *e* и *e*. Это помогает также четко отграничить ранние татарские и башкирские заимствования от поздних, в отдельных случаях болгарские заимствования от тюрко-кыпчакских, потому что канглинские материалы наиболее последовательно отражают исторические изменения гласных тюркских языков.

И. В. Тараканов («Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII века») анализирует письменные памятники, опубликованные Т. И. Тепляшиной в книге «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (Москва 1965), и рукописный словарь Захария Кротова (1785). Лексические материалы удмуртских письменных памятников с точки зрения их происхождения и значения специально еще не изучались. Подразделяя тюркизмы на две большие группы (тюрко-болгарские и тюркские), И. В. Тараканов приходит к выводу, что 1) отражение лексики тюркского происхождения в ранних письменных памятниках свидетельствует о проникновении абсолютного большинства из них в удмуртский язык до XVIII века, 2) большинство тюркских заимствований, особенно тюрко-болгарских, носит общенародный характер, и, следовательно, относится к усвоенным и освоенным заимствованным словам. Немалое количество употребляется для выражения устаревших понятий и относится уже к архаизмам, например, *kun* 'государство, царь', *tero* 'воевода'. Есть архаизмы, которые совсем вышли из народного употребления и сохранились лишь в письменных

памятниках XVIII века, например *čike* 'стерлядь', *kandelem* 'свидетель'.

Привлекая внимание к исторической лексике, В. И. Алатырев дает этимологию 13 слов тюркского происхождения в одном из периферийных удмуртских диалектов (Урсыгурт, официально с. Покр. Урустамак Бавлинского района Татарской АССР).

В статье «Термины родства в современных словарях удмуртского языка» Т. И. Тепляшина приводит 72 термина родства и свойства: *ajmurt* 'свекор', *čižmurt* 'дядя по матери', *suzer* 'сестра младшая' и т. д. Относя терминологию родства и свойства к наиболее древним и устойчивым пластам словарного состава, она отмечает проникновение иноязычных (главным образом, тюркских и русских) элементов и в этот слой лексики. Т. И. Тепляшина прослеживает употребление терминов родства (североудмуртского и южноудмуртского происхождения) как дублетов в литературном языке: сев. *aji-mumi*, юж. *anaj-ataj* 'родители', сев. *aka*, юж. *araj* 'старшая сестра', сев. *nene*, юж. *anaj* 'мать' и др.

В. М. Вахрушев («Слова с постпозитивным элементом *-ča* в удмуртском языке») рассматривает происхождение и структуру слов с конечным элементом *-ča* (*kačča*, *ulča*, *noriča*). Он считает их заимствованными и производными по происхождению.

В последние годы удмуртские филологи занялись вопросами антропонимики, топонимики, микропонимики и других разделов ономастики. Г. А. Архипов в статье «Некоторые вопросы удмуртской ономастики» дает обзор проделанной работы и формулирует задачи удмуртской ономастики. Приведенная им библиография по удмуртской ономастике, к сожалению, недостаточно полна.

М. Г. Атаманов выявил микроэтнонимы более 400 удмуртских деревень в республике и за ее пределами. В статье «Микроэтнонимами удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии» он приводит список воршудно-родовых групп.

Рассматриваемый сборник статей и материалов, несомненно, заинтересует специалистов по удмуртской и финно-угорской филологии, а также учителей, студентов, аспирантов.

БИБИНУР ЗАГУЛЯЕВА (Тарту)